

Е. С. Галкина

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Восточная Европа долго была периферией ойкумены для древних и средневековых центров европейской цивилизации и письменной культуры. Сведения о народах, ее населявших, и их политических объединениях единичны, отрывочны или туманны; интерпретировать их трудно. Сопоставление нескольких фраз источника с другими письменными данными, с материалами археологии, лингвистики, этнографии часто приводят исследователей к взаимоисключающим выводам; на одном-двух предложениях строятся порой целые концепции. Именно такая ситуация и сложилась с вопросом о Великой Булгарии VII в. — стране, упоминания о которой сохранились лишь в двух связанных между собой памятниках, но с которой непосредственно связана этнополитическая история славян Поднепровья, болгар Поволжья, некоторых народов Предкавказья.

В современной исторической науке Великая Булгария предстает либо небольшим племенным союзом в Восточном Приазовье или Западном Предкавказье, до основания разгромленным хазарами, либо огромной степной империей, простиравшейся от Предкавказья минимум до Днепра, однако также легко разбитой «великим народом хазар»¹. Можно ли на основании источников, доступных исследователям на данный

¹ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 73; *Чичуров И. С.* Экскурсы Феофана о протобулгарах // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 65–80; *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоякова Н. А.* Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997. С. 3–33; *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы: Вопросы хронологии // *Vita Antiqua*. Киев, 1999. № 2. С. 111–136; *Рашиев Р.* Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2000; *Атанасов Г.* Болгаро-хазарская граница и болгаро-хазарская враждебность с конца VII до середины IX века // *Българи и хазари през ранното Средновековие*. София, 2003. С. 92–113; и др.

момент, говорить о таком этнополитическом объединении, или это лишь «область вторичной колонизации» ранних болгар на пути из неизвестной пока прародины на Дунай?²

Под 679/680 г. византийский хронист конца VIII – начала IX в. Феофан Исповедник помещает сообщение о том, что не так давно на северных берегах Черного моря существовала страна, именовавшаяся Великой Булгарией, и кратко излагает то, что ему известно из ее истории:

В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель, в которую впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Ивирийских ворот³, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис⁴, и впадает в край Понтийского моря... А от уже названного озера течет подобное реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского... от самого же озера и до реки, называемой Куфис... простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги. Во времена Константина Западного⁵ умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Крват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всеми и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом...⁶ (далее по тексту — рассказ о миграции болгарских племен и подчинении части их хазарам. — *Е. Г.*).

С незначительными отличиями этот же текст приводит в своем «Бревиарии» современник Феофана патриарх Никифор⁷. Другие источники молчат о такой стране в степях Причерноморья. Точно определить расположение Великой Булгарии лишь на основании этих источников нельзя, равно как и судить об их достоверности. Теоретически это вообще может быть книжная легенда, основанная на каких-то изустных преданиях (возможно, и не болгарских) и представлениях византийцев об этногеографии Северного Причерноморья, призванная объяснить, каким образом народ под названием «булгары» оказался в различных районах Европы. Но сама история этнонима «булгар» и связанных с ним этносов во второй половине I тыс. н. э. позволяет сделать иные выводы.

В сообщениях о локализации Великой Булгарии юго-восточной, бесспорной границей этого объединения является р. Куфис, соответствующая в данном случае

² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 111.

³ Дарьял. В античной географии Танаис брал начало в Рипейских (Уральских) горах, соединяя в себе Дон, среднее течение Волги и Каму. Здесь за основное течение Дона принимается Маньч. Также Феофану известно «слияние» Дона и Волги, то есть переправа в районе нынешнего Цимлянского водохранилища. Это свидетельствует о налаженных торговых и политических связях Византии как на Северном Кавказе, так и в Волго-Донском регионе.

⁴ Традиционное название Кубани в средневековой европейской географии.

⁵ По мнению И. С. Чичурова, речь идет о Константе II (641–668), поселившемся в Сицилии с целью перенести столицу в Рим (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 111).

⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 60–61.

⁷ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 161–162.

современной Кубани⁸. К вопросу о северо-западной границе мы вернемся чуть позже, но сейчас обратим внимание, что она не восточнее побережья Азовского моря.

Большинство исследователей датирует формирование племенного союза булгар в Причерноморье (Великой Булгарии) 630-ми гг., после распада Западно-Тюркского каганата⁹. Некоторые данные позволяют отнести этот процесс к более раннему периоду.

В «Бревиарии» патриарха Никифора около 619 г. сообщается о прибытии в Византий (Константинополь) некоего государя племени гуннов «со своими архонтами и дорифорами». Государь гуннов пожелал быть посвященным «в таинства христиан», что и было сделано в отношении гуннских архонтов и их жен. Предводитель гуннов был удостоен сана патрикия, а «посвященные в божественные таинства» были почтены императорскими дарами и званиями¹⁰. Более поздний эфиопский источник уже прямо говорит о крещении болгарского правителя в Константинополе в 619 г.¹¹

Традиционно государя булгар считают несамостоятельным правителем, подвластным аварам или тюркам¹². Но связь между образованием Великой Булгарии и распадом Западно-Тюркского каганата в 630-е гг. не прослеживается ни хронологически, ни сущностно. Влияние тюрков в Северном Причерноморье было кратковременным и сошло на нет к концу VI в. Областью, подконтрольной тюркам в первой половине VII в., оставался северо-западный Прикаспий, где обитали хазары. Северо-восточное Причерноморье и Западное Предкавказье, где локализуются булгары, были уже давно оставлены тюрками¹³.

Затрагивая проблему отношений ранних булгар с аварами, следует заметить, что наука не располагает данными о подчинении паннонским аварам северо-восточного Причерноморья и Приазовья, в частности — булгар, живших на той территории. В ряде византийских источников («История» Симокатты, «Аварская война» Григория Писиды, «Чудеса св. Дмитрия Солунского» и пр.¹⁴) действительно упоминаются булгары, подвластные хакану авар. Но речь там идет о булгарах, находившихся в Подунавье. Часть ранних булгар обосновалась на Дунае еще во второй половине IV в. вместе с другими гуннскими племенами¹⁵. Новая волна ранних булгар появилась в Паннонии вместе с аварами, разгромившими их объединение в Приазовье

⁸ Там же. С. 108–110; Шрам Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 64, 109; Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 248.

⁹ Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2001. С. 222; Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 147; и др.

¹⁰ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 159.

¹¹ Golden P. Khazar Studies: A Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1. P. 44.

¹² См., например: Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: От древности к новому времени. СПб., 2009. С. 138; Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 52–53.

¹³ Галкина Е. С. Тюркский каганат и «позднегуннские» племена в этнополитических процессах на территории Восточной Европы VI–VII вв. // Рязанский историк. 2005. № 2.

¹⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II. С. 33, 67, 135.

¹⁵ См.: Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972.

в 50-х гг. VI в. и присоединившими их к своему племенному союзу вместе с частью кутригуров. Эти булгары играли значительную военную роль в составе Аварского каганата и, как этнически родственные аварам, занимали привилегированное положение¹⁶. Третья волна переселенцев-булгар появилась на Дунае уже после распада Великой Булгарии.

Версия о зависимости булгар Приазовья от паннонских авар совершенно не согласуется с тем, что известно о политической системе вожеств и ранних государств во главе с этносом кочевого происхождения. Завоевание одних номадов другими влечет за собой, как правило, присоединение побежденных к победителям в качестве союзника-вассала на взаимовыгодных условиях¹⁷. Главное, что может получить победитель от номадов, — это воины. Часть племен Причерноморья присоединилась к аварам и ушла вместе с ними. Насильственно удерживать и эксплуатировать кочевников крайне проблематично, ибо ничто не мешает недовольным вассалам откочевать в другое место, может быть, менее хлебное, но более свободное. Так в свое время сделали и сами авары, предпочтя Паннонию казахстанским и причерноморским степям. Другое дело, если «сюзерен» может предложить перспективные походы, в которых может обогатиться племенная знать. Булгары Северного Причерноморья находились в тысяче километров от авар Подунавья. У них были свои источники доходов — крымские и закавказские территории Византии. То есть у авар не было рычагов для удержания булгар Северного Причерноморья как вассалов или данников.

В «Бревиарии» Никифора упоминается некий государь унногундуrow Куврат, «племянник Органа/Органы», который в 634–640 гг. восстал против хакана авар и изгнал из своих земель представителей хакана. Далее этот Куврат заключил мир с Ираклием, в ответ на что император удостоил вождя варваров сана патрикия¹⁸. Но из этого неясного сообщения нельзя сделать однозначный вывод о тождественности Куврата — племянника Органы и Куврата — правителя Великой Булгарии в восточном Приазовье. Никифор, как и Феофан, понимает под Аварией измененность между Дунаем и Тисой. Знаменателен и тот факт, что сам Никифор не отождествляет унногундуrowского Куврата (Κοὐβρατός) с государем Великой Булгарии Ковратом (Κοβρατός), о котором идет речь практически сразу после рассказа о восстании против хакана авар.

Во второй четверти VII в., после славянских восстаний и поражения под Константинополем в 626 г., Аварский каганат значительно ослабел и не мог контролировать какие-либо земли кроме собственно Аварии. Правящая верхушка каганата была раздираема противоречиями, что отразилось в войне между аварами и паннонскими кутригурами, выдвинувшими своего кандидата на престол после смерти аварского кагана. Учитывая эти обстоятельства, И. С. Чичуров предполагал, что Никифор сообщал об изгнании посольства авар в Великую Булгарию, таким образом, все же отождествляя государя унногундуrow и повелителя Великой Булгарии. Этому отождествлению противоречит информация, содержащаяся в Именнике болгарских

¹⁶ *Литаевин Г. Г.* Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 135–137.

¹⁷ *Перишц А. И.* Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 2. С. 201.

¹⁸ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. С. 161.

царей: болгары, начиная династию правителей с Атилы (Авитохола) и его сына Эрнака (Ирника), не помнили о существовании Органы¹⁹, хотя и знали Куврата (Курта) и его сына Аспаруха (Эсперериха)²⁰. Между тем, если предположить, что вождь унногундуров и правитель Великой Булгарии не тождественны, проблема Органы (а также отсутствия упоминаний о нем в источниках, кроме Никифора и Иоанна Никиусского) будет снята²¹.

Более обоснованным в настоящее время является отождествление оногурского Куврата с архонтом Кувером в «Чудесах св. Дмитрия Солунского», тем более что один из списков «Бревиария» дает форму имени, очень близкую к засвидетельствованной в «Чудесах»²².

Обычно препятствием к такому отождествлению является отнесение восстания Кувера против авар к 680–685 гг. Эта датировка основана на том, что, согласно «Чудесам», прошло «шестьдесят лет и более» с тех пор, как славяне и авары опустошили весь Иллирик, Фракию и область до Длинной стены Византия (Константинополя)²³. Во времена Ираклия, после падения дунайского лимеса, засвидетельствованы глубокие рейды кагана авар вглубь Балканского полуострова, сопровождавшиеся уводом большого количества пленных. Но никаких прямых указаний на времена Ираклия в тексте нет. С равной вероятностью можно предположить, что речь идет об опустошительных набегах авар и славян при Тиверии и Маврикии. Вопрос о том, какой период византийско-аварских войн брать за основу отсчета, таким образом, остается открытым²⁴. Надо также учитывать, что после 626 г. Аварский каганат практически исчезает из византийских источников²⁵. Если отталкиваться от правления Тиверия и Маврикия, восстание унногундуров приходится на 634–640 гг., указанные Никифором. В целом вопрос об унногундурском вожде остается дискуссионным, но ясно, что «Бревиарий» Никифора, как и другие источники, не дает оснований для утверждения о зависимости северо-востока Причерноморья от авар или тюрков в первой половине VII в.

¹⁹ Мнение об Органе как о дяде правителя Великой Булгарии породило его отождествление с гуннским государем, прибывшем в Константинополь в 619 г., и дулусским вождем Моходу-хоу из рода Ашина. Поскольку Куврат, согласно Именнику, принадлежал к болгарскому роду Дуло, Л. Н. Гумилев (*Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. М., 1993. С. 202) и М. И. Артамонов (*Артамонов М. И. История хазар*. С. 226–228) сочли возможным говорить о принадлежности причерноморских болгар к тюркской конфедерации дуло и, соответственно, на этом основании распространять власть Западного Тюркского каганата на Северное Причерноморье.

²⁰ *Тихомиров М. Н. Именник болгарских царей // ВДИ*. 1946. № 3. С. 87; *Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften*. Berlin, 1963. S. 306.

²¹ Сообщение Иоанна Никиусского о «князе гуннов и племяннике Органы» Кубрате (Куэрте) соотносится с рассказом Никифора о правителе унногундуров, но никак не о хане Великой Булгарии. Кубрат Иоанна был в юности крещен и воспитан в Константинополе при императорском дворе, дружил с Ираклием, а после смерти последнего поддерживал связи с его семьей. Более того, ходили слухи (впоследствии неподтвержденные), что этот «князь гуннов» после смерти императора Ираклия участвовал в заговоре в пользу его вдовы Мартины (*Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий*. С. 207). Если бы этот сюжет относился к вождю такого значимого объединения как Великая Булгария, он был бы несомненно повторен множество раз. И тем более не стал бы патриарх Никифор в рассказе о происхождении болгар писать «некто по имени Коврат».

²² *Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения*. С. 174.

²³ *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. II. С. 169.

²⁴ Там же. С. 206.

²⁵ *Stratos A. The Avar's attack on Byzantium in the year 626 // ВФ*. 1967. Bd. II. S. 370–376; *Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения*. С. 103.

Напротив, известно, что болгары сумели подчинить кочевавших в северо-восточном Причерноморье оногуров и кутригуров, вместе с которыми и образовали Великую Булгарию. Никифор считает, что это потестарное объединение контролировало Северное Причерноморье. Именно распад Великой Булгарии повлек за собой, согласно Никифору, «безнаказанные» набеги хазар²⁶.

Археологические памятники Северного Причерноморья VI – первой половины VII в., которые можно отнести к кочевникам, весьма скудны и не представляют собой единой культуры. Предположительно, с воинской элитой Великой Булгарии связывают Перещепинский клад и Вознесенский комплекс (есть даже гипотезы о принадлежности указанных памятников, соответственно, Кубрату и Аспаруху²⁷). Но некоторые элементы этих комплексов свидетельствуют скорее о том, что они являются не погребениями, а так называемыми «престижными кладами», распространенными у многих народов, находившихся на пороге ранней государственности. По мнению авторов монографии «Сокровища хана Кубрата», среди предметов Перещепинского комплекса есть ряд вещей, которые могли принадлежать только Кубрату (Куврату), главе Великой Булгарии, но для более конкретных выводов материалов недостаточно²⁸. Аналогии древностям круга Перещепины известны на Дунае и датируются специалистами Венгрии и России около середины VII в.²⁹ Древности типа Вознесенки синхронизируются с памятниками круга Игар–Озора в Карпатской котловине, датируемыми около последней трети VII в. Впрочем, ряд венгерских специалистов рассматривает находки из Вознесенки как отражение источника миграций в Карпатскую котловину, поэтому Вознесенский комплекс должен датироваться несколько более ранним временем. И. О. Гавритухин полагает, что это была миграция болгар Кувера «или близкой к ним группировки»³⁰.

Также предполагается, что болгарам или преимущественно болгарам принадлежали подкурганые захоронения «сивашевского типа» VI–VII вв. с восточной или северо-восточной ориентировкой погребенных и кольцевыми ровиками вокруг курганов³¹.

²⁶ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. С. 162.

²⁷ *Werner I.* Der Grabfund von Malaja Perescapina und Kubrat, Kagan der Bulgaren // Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Heft 91. München, 1984. S. 5–45; *Димитров Д.* Прабългарите по Северното и западното Причерноморие. Варна, 1987. С. 112; *Львова З. А.* Перещепинский клад в собрании Эрмитажа // Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: 7-е Державинские чтения. 11–16 марта 2002. СПб., 2002. Ч. 1. С. 19–22; и др. – Подробную историографию вопроса см.: *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянкова Н. А.* Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. С. 3–33.

²⁸ *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянкова Н. А.* Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. — З. А. Львова в последнее время изменила свою точку зрения и стала уверенно атрибутировать Перещепинский комплекс как захоронение хана Кубрата. Основанием для этого стал вновь открытый болгарский летописный свод «Джагфар Тарихы» (см.: *Львова З. А.* Перещепинская находка в свете новых данных болгарской летописи XIII в. Гази-Барадж тарихы // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.02.1908 – 15.10.1990): Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 46–49). — Однако подложность данного документа был неоднократно доказана (историю вопроса см.: *Измайлов И. Л.* Незаконнорожденные дети господ журналистов, или О навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар // Звезда Поволжья. 2003. № 17–21 (169–173)).

²⁹ *Балинт Ч.* О принадлежности находки в Малой Перещепине Куврату (история вопроса) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. 1996. С. 54–64; *Гавритухин И. О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремесленной гарнитуры) // Хазары. М.; Иерусалим, 2005. (Евреи и славяне. Т. 16) С. 384.

³⁰ *Гавритухин И. О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата... С. 385, 397–398.

³¹ См.: *Раев П.* Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2000.

Казалось бы, решение проблемы Великой Булгарии очевидно: с ней связаны подкурганые погребения VI–VII вв. в Причерноморье. Ареал этих погребений должен очерчивать и границы булгарского союза племен, включая Прикубанье, Приазовье, Крым, низовья Днепра и Южного Буга. После распада этого протогосударства часть ушла в Паннонию, другие остались на месте и третьи отправились на Среднюю Волгу.

Но такому выводу противоречит тот факт, что в археологических памятниках Дунайской Булгарии и Волжской Булгарии конца IX–X вв. (то есть времени, когда это образование известно в источниках) *очень редко* аналогии подкурганым погребениям данного типа³². Также важно, что находки «перещепинского типа», связанные с булгарской верхушкой, сосредоточены в основном в Среднем Поднепровье, где кочевнических курганов VI–VII вв. известно крайне мало. Следовательно, «сивашевскую группу» нельзя связывать с культурой Великой Булгарии в целом.

Культура поздних авар, в которой находят аналогии сивашевским памятникам, сформировалась после переселения в Аварскую Паннонию в середине VII в. одной из орд, входивших ранее в состав Великой Булгарии³³. Действительно, согласно Феофану Исповеднику, один из сыновей хана Кубрата, перейдя Дунай, подчинился кагану авар и оставался со своей ордой в Аварской Паннонии³⁴. Кроме того, известно, что в Великую Булгарию входили оногурские (унногундурские) племена. Именно оногуры, по свидетельству Никифора, восстали в VII в. против аварского кагана. Речь шла о племенах Аварской Паннонии. Таким образом, можно предположить, что, по крайней мере, часть приазовских («сивашевских») курганов VI–VII вв. связана с одним из племенных союзов Великой Булгарии — оногурами (унногундурами). Эту гипотезу подтверждает и дальнейшая история этнонима «унногундур» в Восточной Европе.

Судя по общему источнику Феофана и Никифора, просуществовала Великая Булгария до смерти хана Кубрата, которая произошла в правление Константа II (641–668 гг.). После этого пятеро сыновей хана рассорились и вместе со своими ордами «удалились друг от друга»³⁵. Это событие датируется, скорее всего, 670-ми гг., а в пяти сыновьях логичнее видеть пять племенных союзов, которые участвовали в образовании Великой Булгарии, или административных единиц, на которые была она разделена. Три орды (глава самой известной из них — Аспарух, основатель Первого Болгарского царства) ушли на Дунай. Орда же старшего сына — Баяна (или Батбаяна) осталась «на земле предков доныне»³⁶, а «второй брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата»³⁷. Далее сообщается о появлении хазар из «Первой Сарматии» (Северо-Западного Прикаспия) и захвате ими земель Черноморского побережья по юго-восточную сторону от низовий Дона, в том числе и о подчинении орды Баяна. С ордой Баяна и возможно, Котрага визан-

³² Рашев Р. К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ. 1993. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 252–253.

³³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 115.

³⁴ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 61.

³⁵ Там же. С. 61, 162.

³⁶ То есть, по меньшей мере, с середины VII в. по начало IX в. эти раннеболгарские племена находились в Восточном Приазовье.

³⁷ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 61, 162.

тийских источников следует связать «внутренних болгар», которые в этом районе упоминаются персидским анонимным автором «Худуд ал-Алам»³⁸.

Однако ряд исследователей при воссоздании истории Великой Булгарии отдает предпочтение другому варианту этих событий, который описан в письме хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту. Отвечая на просьбу испанского еврея рассказать о становлении хазар, Иосиф использовал какие-то местные письменные источники (судя по фразе «у меня записано...»):

В стране, в которой я живу, жили прежде в.н.н.т.р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В.н.н.т.р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени "Дуна". До настоящего дня они расположены на реке "Дуна" и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня³⁹.

Еще исследователи XIX в. отождествили *в.н.н.т.р* письма Иосифа с оногурами (унногундурами)⁴⁰, что и ныне является бесспорным. Но оногуры были лишь одним из племенных союзов, вошедших в Великую Булгарию. Согласно «Армянской географии», автор которой получал сведения в первую очередь от хазар, этим племенным союзом была орда Аспаруха⁴¹. Но ни хазарские, ни армянские, ни византийские источники не говорят о разгроме хазарами всей Великой Булгарии. Отсутствуют и археологические свидетельства разрушений. Булгарский союз распался естественным путем, как это происходило со многими степными державами, в том числе и с империей европейских гуннов после смерти Аттилы.

После распада Великой Булгарии большинство входивших в нее племен еще не раз упоминаются в Северном Причерноморье и Предкавказье, вплоть до конца VIII в. Страну Оногорию Северо-Восточного Причерноморья и Приазовья знает «Космография» Равеннского Анонима конца VII в.⁴² Арабские средневековые хронисты, описывая события первой половины VIII в., упоминают землю «ал-В.н.н.д.р» где-то в Северо-Восточном Причерноморье⁴³. В списке епископий, составленном в 733–746 гг., упоминается епископия оногуров в качестве одной из подчиненных готскому крымскому митрополиту⁴⁴. В «Худуд ал-Алам», чей корпус сведений о Западной Евразии датируется началом IX в., а также в близком ему сочинении Гардизи в Поволжье упоминается племя «в.н.н.д.р». Эти осколки оногуров откочевали к Волге, очевидно, уже после нашествия в северо-восточное Причерноморье хазар. Описание их не назовешь радужным: «они трусливы, слабы, бедны...»⁴⁵

³⁸ Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 a. h. – 982 a. d. / Transl. by V. Minorsky; E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. London, 1970. P. 162.

³⁹ *Кокорцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 74, 75.

⁴⁰ Сводка основных работ: *Кокорцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 135–136.

⁴¹ Армянская география VII в. // *Патканов П. К.* Из нового списка армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. № 3. С. 26.

⁴² *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. С. 192.

⁴³ Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи Ал-Футух. Бейрут, 1406/1986. Т. 3. Ч. 5–6. С. 263 (на араб. яз.).

⁴⁴ *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 115. — Этот факт не дает оснований говорить о распространении христианства у оногуров, а свидетельствует лишь о существовании в середине VIII в. земли оногуров поблизости от Крымской Готии. Впрочем, о христианстве народа (*в.н.н.д.р* известно персидскому автору Гардизи (*Martinez A. P. Gardizi's two chapters on the Turks* // АЕМАе. 1982. Т. 2. P. 160).

⁴⁵ Hudud al-'Alam. P. 159; *Martinez A. P. Gardizi's two chapters on the Turks.* P. 160.

Долгое время византийским и древнерусским источникам были известны в Приазовье и на Нижнем Дону, а также в Западном Предкавказье «черные булгары», которые тождественны «внутренним булгарам» восточных письменных памятников.

В качестве создателей причерноморской Булгарии в источниках упоминаются булгары, оногуры, кутригуры (котраги).

Ограничивалась ли территория Великой Булгарии ареалом подкурганых кочевых захоронений VI–VII вв., участвовали ли в ней другие племена, помимо тюркоязычных позднегуннских кочевников?

Не подлежит сомнению большая роль в Булгарской политике позднесарматских и других ираноязычных племен Восточной Европы. Судя по археологическим данным, на этой территории находились еще остатки сарматских племен, входивших когда-то в Гуннский союз. Сарматы и далее принимали активное участие в становлении средневековых булгар и дунайских болгар. Археологическая культура Первого Болгарского царства сложилась во многом на сарматской основе⁴⁶. Краниологические серии, сходные с найденными в сарматских памятниках Северного Кавказа⁴⁷, происходят из некрополей Дунайской Булгарии и Больше-Тарханского могильника Волжской Булгарии⁴⁸. С VII в. часть племен с сарматской основой поселилась в Нижнем Поднепровье — в Надпорожье⁴⁹. Там зафиксированы типичные погребения в грунтовых ямах, керамические серии из которых наиболее сходны с сармато-аланской посудой Балки Канцерка в Поднепровье⁵⁰.

В определении территории Великой Булгарии и этносов, входивших в нее, помощь могут оказать данные нумизматики. С распадом Великой Булгарии археолог А. И. Семенов связывал перемещение находок византийских монет и предметов роскоши из Поднепровья на территорию между устьем Волги и Нижним Доном. Исследователь показал, что, по крайней мере, до 640-х гг. мощнейший в глазах Византии центр восточноевропейских варваров находился в Поднепровье. Византийский импорт А. И. Семенов полагал целенаправленными выплатами — «данью». Позднее же, по его мнению, таким центром стала группа кочевников, расселившаяся от Волги до Нижнего Дона, коих он считал хазарами⁵¹.

С первой частью этой гипотезы необходимо согласиться: в Поднепровье действительно много таких находок. Но вторая часть вызывает вопросы. Логика теоретических рассуждений безупречна: хазары действительно долго и продуктивно сотрудничали с византийцами, поэтому в хазарских погребениях должны быть представлены византийские предметы роскоши, которыми империя расплачивалась

⁴⁶ См.: *Рашев П.* К вопросу о происхождении прабулгар. С. 250–254.

⁴⁷ *Абрамова М. П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. С. 29; *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. 1987. Вып. 2. С. 149.

⁴⁸ *Ангелова Е.* Сарматски елементи в езическите некрополи от Североизточна България и Северна Добруджа // Археология. София, 1995. № 2. С. 5–17; *Гинзбург В. В.* Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // МИА. 1963. № 109. С. 307.

⁴⁹ *Шевцов М. Л.* Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 96.

⁵⁰ *Шевцов М. Л.* Погребения салтово-маяцкой культуры... С. 99.

⁵¹ См.: *Семенов А. И.* 1) К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // АСГЭ. Л., 1986. № 27. С. 92–98; 2) Утраченные предметы памятников перещепинского круга // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава, 1989. С. 60–64.

за поддержку антиарабских операций⁵². Но дело в том, что никакого скопления византийских монет и предметов роскоши в междуречье Волги и Нижнего Дона пока не обнаружено. Имеют место *отдельные* находки солидов в курганах с ровиками, не идущие ни в какое сравнение, например, с количеством арабских монет и восточного импорта на синхронных и чуть более поздних поселениях и могильниках лесостепного варианта салтовской культуры.

В данном случае важно то, что политический центр Великой Булгарии, судя по данным археологии (находки Перещепинского круга) и нумизматики, располагался по Днепру. Разбросанность комплексов на сотни километров, возможно, показывает ареал кочевания племени — этнической верхушки Великой Булгарии, то есть собственно болгар. Находки из этих комплексов И. О. Гавритухин датирует периодом с 630-х по 670-е годы⁵³.

Ареал богатых кочевнических захоронений и кладов VI–VII в. в Поднепровье частично совпадает с территорией пеньковской культуры, которую датируют V–VII вв. В том числе, проникновение кочевников достоверно фиксируется в Среднем Поднепровье: Малое Перещепино, Новые Санжары, Пастырское городище. На ряде пеньковских поселений Среднего Поднепровья, как на правом, так и на левом берегу реки, обнаружены юртообразные жилища, которые также связывают с проникновением кочевнических групп⁵⁴. Но входила ли эта территория в состав Великой Булгарии, каковы были отношения оседлых жителей этого региона с кочевниками?

В настоящее время большинство исследователей считают пеньковскую культуру в целом славянской и принадлежащей племенному союзу антов (или его части)⁵⁵. Земли «пеньковцев» простирались от Нижнего Дуная до Северского Донца. В отличие от более западных славян, они не знали курганов (господствовали урновые и ямные трупосожжения) и височных колец⁵⁶. Культурный слой на всех поселениях славян очень незначителен⁵⁷. Застройка славянских поселений, как и почти везде, бессистемна, укреплений нет⁵⁸.

Пеньковская культура этнически неоднородна. Помимо курганов на ее земле известны ямные труположения, обычным атрибутом которых являются находки в погребении пальчатых и антропозооморфных фибул. Ингумации такого типа многочисленны, но обнаружены практически по всему ареалу распространения

⁵² Галкина Е. С. Кавказские войны VII–VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток (Oriens). 2006. № 4.

⁵³ Гавритухин И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата... Рис. 1 (левая сторона).

⁵⁴ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 110; Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. С. 33–37.

⁵⁵ Седов В. В. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164–174; Зиньковская И. В. Славяне и германцы в Юго-Восточной Европе в поздне римское время и в раннем средневековье (проблема этнокультурных контактов) // Археология Восточноевропейской лесостепи: Сб. науч. трудов. Воронеж, 2000. Вып. 14. С. 24; Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII–IX ст. Київ, 1980. С. 117–121; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. С. 57–60; Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время (середины III – первая половина V в. н. э.). М., 2002. С. 76. — В. В. Седов в последние годы выделял «антскую группу», в которую включал, помимо пеньковской, ипотешти-кындештскую культуру, аварскую культуру на Среднем Дунае, а также именьковскую культуру в Среднем Поволжье, считая все эти группы наследниками славянского племенного союза, бывшего частью черняховской культуры (Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 203–255).

⁵⁶ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 14, 75, 84.

⁵⁷ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 210.

⁵⁸ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 68, 73.

пеньковской культуры: в Селиште и Ханске, у с. Алексеевка в Надпорожье, в Мохначе на Северском Донце, на Полтавщине, в Сумской области⁵⁹. В достоверных погребениях с трупосожжениями подобные фибулы известны, но не в пеньковской, а в ипотешти-кындештской культуре Нижнего Подунавья, основными компонентами которой стали элементы пеньковский, пражско-корчакский (чисто славянский) и автохтонный «гето-дакийский», по определению В. В. Седова⁶⁰.

Вопрос о пальчатых фибулах и этносе, который с ними связан, имеет огромную историографию, первый весомый вклад в которую сделал еще Б. А. Рыбаков в конце 1940-х – начале 1950-х годов.⁶¹ С тех пор прояснились многие вопросы истории бытования этих фибул, но проблема этноса (или этносов) до сих пор остается открытой. Дунайские истоки фибул, как и многих других пеньковских украшений, бесспорны⁶². Й. Вернер отмечал генетическую связь пальчатых фибул Приднепровья с фибулами крымских готов, гепидов и южно-дунайских германских групп на византийской территории, замечая, что «германские» фибулы были парными и являлись принадлежностью женской одежды⁶³. А. Г. Кузьмин связывал ямные трупоположения на пеньковской территории, в инвентаре которых есть такие фибулы, с дунайскими ругами, часть которых после поражения гуннов ушла с ними в Поднепровье⁶⁴. Часть исследователей и сейчас считает днепровские фибулы славянскими⁶⁵. Пальчатые фибулы уже в днепровском виде распространяются в Крыму, на Нижнем и особенно на Среднем Дунае, в рамках так называемой аварской культуры, проникают на Балканы и Пелопоннесский полуостров, а также в области Мазурского Поозерья и Юго-Восточной Прибалтики⁶⁶.

Немногочисленная этническая группа, женщины которой носили пальчатые фибулы, прибыла в Среднее Поднепровье из Центральной Европы. Такие миграции были характерны для второй половины V – начала VI в., после распада державы Атиллы. Небольшие хорошо вооруженные группировки, которым не повезло в борьбе за «гуннское наследство», возвращались в Северное Причерноморье — работала историческая память о предыдущем месте жительства⁶⁷. Бывшая территория черняховской

⁵⁹ Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 211.

⁶⁰ Седов В. В. 1) Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 222; 2) Славяне в древности. М., 1994. С. 95–100.

⁶¹ Рыбаков Б. А. 1) Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 67–70; 2) Древние русы // СА. 1953. Вып. XVII. С. 23–104.

⁶² Айбабин А. И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. № 3. С. 70; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 74; Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 1999. С. 440.

⁶³ Вернер Й. К происхождению и распространению антов и склавенов // СА. 1972. № 4. С. 103–104.

⁶⁴ Славяне и Русь: Проблемы и идеи. С. 439. — По крайней мере, в Среднее Подунавье эти фибулы попадают вместе с пеньковскими трупоположениями (Там же. С. 123–125). Ареал их распространения совпадает с локализацией Ругиланда и многочисленных топонимов с корнем *rug, ruz* (см.: Назаренко А. В. Об имени «русь» в немецких источниках IX в. // ВЯ. 1980. № 5. С. 46–57; Славяне и Русь: Проблемы и идеи. С. 436–455).

⁶⁵ Приходнюк О. М. Фибулы Пастырского городища // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2000. Вып. 14: Европейская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. С. 48–73; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 211; и др.

⁶⁶ Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 220 (карта).

⁶⁷ Другая часть переселенцев с Дуная подалась на южное побережье Балтики, откуда в свое время началась миграция племен вельбарской и пшеворской культур (Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003. С. 97–110). В. И. Кулаков сопоставляет мигрантов с видивариями Иордана и отмечает полиэтничность их происхождения (то есть их уже невозможно связать с каким-либо народом, известным до гуннской эпохи).

культуры была быстро оккупирована позднегуннскими племенами, часть которых и не уходила отсюда, и оседлым дунайским группам пришлось пробираться дальше — в лесостепь и даже в лесную зону. Эти группировки были этнически смешанными — в них различают центральноевропейские вещи восточногерманского происхождения, сармато-аланские, славянские и балтские культурные элементы⁶⁸. Такие аллохтонные группы полиэтничного происхождения, принадлежащие к центральноевропейской дружинной культуре, появились и на Среднем Днепре⁶⁹. Как показал И. О. Гавритухин, инвентарь части среднеднепровских ингумаций имеет аналогии у современного им населения востока Северного Причерноморья, а другой части — в карпато-дунайской зоне. Но эти различия нельзя возводить к черняховскому периоду⁷⁰.

Чем были для этих людей пальчатые фибулы? Конечно, в обычное время женский костюм и украшения могут являться одними из этномаркирующих признаков — как восточнославянские височные кольца. В примитивных обществах вещи из рядового (не «княжеского») женского убора редко являются предметами импорта и прямого заимствования, поскольку они сакрализованы, отражают систему религиозных взглядов каждого этноса⁷¹. Но иначе обстояло дело в эпоху Великого переселения, когда под властью одного военного вождя оказывались привлеченные его «фортуной» представители разных этносов. Представления о символах и вещах, приносящих удачу, менялись очень часто и заимствовались одними группами у других. Так, многочисленные фибулы «тюрингского типа» из Западной Европы успешно перекочевали на Северный Кавказ вместе с вернувшимися из походов аланами и родственными им племенами. Там они получили самостоятельное развитие и, не исключено, совершенно другое значение, чем им придавали на Западе⁷². Так и с пальчатыми фибулами: в отличие от своих дунайских прототипов, они были гораздо больших размеров и не всегда одинаково носились (иногда — одна фибула на плаще, иногда — две)⁷³.

Этническая принадлежность людей, оставивших днепровские ямные ингумации, окончательно не выяснена. Да и вряд ли это возможно. Известно лишь, что не позднее VII в. они покинули Поднепровье — направления их миграции подтверждают находки фибул. Наличие пальчатых фибул в славянских трупосожжениях ипотештикындештской культуры, а также склеповых захоронениях Крыма «аланского» (североиранского) круга⁷⁴ указывает на пути ассимиляции этой группы.

⁶⁸ *Казанский М. М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вестн. 1999. Вып. 6. С. 404–419; *Обломский А. М.* Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 104–120.

⁶⁹ *Ахмедов И. Р., Казанский М. М.* После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический аспект // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004. С. 168–179.

⁷⁰ *Гавритухин И. О.* Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004. С. 212.

⁷¹ *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wandelhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. 1970. Vol. 1 (Antikvariskt Arkiv 38). P. 65–81.

⁷² *Мастыкова А. В.* Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V–VI вв.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2000. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. С. 34.

⁷³ *Вернер Й.* К происхождению и распространению антов и склавенгов // СА. 1972. № 4. С. 108.

⁷⁴ Интересно, что практически все фибулы славянских типов происходят из склеповых захоронений, наиболее массовых для Крыма (см.: *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 151–152).

Но ремесленники, создававшие эти изделия на основе дунайских образцов, ни к славянам, ни к тем, кто оставил пеньковские ямные труположения, отношения не имели. Загадкой пеньковской культуры является Пастырское городище в Среднем Поднепровье, где открыты остатки железоделательных и гончарных мастерских, традиции которых не имеют истоков в славянском мире.

На городище, помимо гончарных мастерских, обнаружены 4 юртообразных наземных постройки и 6 полуземлянок неславянской принадлежности (очаги в центре)⁷⁵. Все эти жилища имеют прямые аналогии в жилых постройках Маяцкого комплекса на Северском Донце, оставленного аланами или близким к ним этносом⁷⁶. Подобные постройки характерны и для других гончарных поселений Поднепровья (Осиповка, Стецовка, Луг I, Будище и др.)⁷⁷. В. С. Флеров считает все юртообразные жилища Среднего Поднепровья принадлежащими булгарам⁷⁸, но на поселениях типа Стецовки обнаружена керамика не приазовского, а «аланского» вида⁷⁹. Присутствие здесь юртообразных жилищ, а не полуземлянок, распространенных у «алан» салтовской культуры, объясняется просто: принцип строительства полуземлянок был заимствован жителями лесостепи у славян Поднепровья, что признается практически всеми археологами⁸⁰.

Исчезновение юртообразных помещений у салтовцев лесостепи естественно. Согласно исследованию В. С. Флерова, такие жилища — переходный тип, характерный для периода приспособления к оседлому жилью⁸¹. Лепная керамика этих центров, производившаяся не на продажу, отличается от славянской и имеет явную генетическую связь с сарматскими горшками и керамикой комплексов степного Юга⁸², причем эта форма продолжала существовать в лепной посуде салтовской лесостепи. Аналогии гончарной пастырской посуде найдены не только на Салтовском городище, но и в Молдавии и Болгарии (в Плиске)⁸³.

⁷⁵ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С. 214.

⁷⁶ Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984. С. 101–119.

⁷⁷ Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 37; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 72; Смilenko A. T. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпріві (II–XIII ст.). Київ, 1975. С. 156.

⁷⁸ Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. С. 33.

⁷⁹ Смilenko A. T. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпріві (II–XIII ст.). С. 93.

⁸⁰ См.: Флеров В. С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. № 2. С. 265; Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 93; и др.

⁸¹ Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. С. 60.

⁸² Смilenko A. T. К изучению лепной керамики пеньковских памятников // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 162; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 51–55; Ангелова Ст. Традиции в прабългарската керамика на Североизточна България // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София, 1982. Т. 74. С. 31–75. — Особеняком стои точка зрения О. М. Приходнюка, который считает культуру Пастырского городища славянской и связывает ее особенности, в том числе гончарное производство серолощеной керамики, с быстрым освоением славянами достижений населения Нижнего Подунавья. Восприняв эти навыки, славяне, согласно О. М. Приходнюку, вернулись в Среднее Поднепровье. Однако выводов предшественников по поводу сармато-аланского влияния исследователь не отрицает, он лишь переносит его из Поднепровья на Дунай (Приходнюк О. М. Керамическая посуда Пастырского городища и некоторые проблемы становления славянского гончарства // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004. С. 265–281).

⁸³ Смilenko A. T. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпріві (II–XIII ст.). С. 92–93; Рашиев Р. К вопросу о происхождении праболгар. С. 250–254.

Существование в пределах пеньковской культуры антов гончарных мастерских, археологически связанных с сармато-аланской средой, позволило В. В. Седову утверждать о формировании антского племенного союза на основе некоего «ассимилированного ираноязычного населения», которое осталось со времен черняховской культуры⁸⁴. Но как раз ассимиляция этого иранского элемента не прослеживается (можно говорить лишь о мирном их сосуществовании со славянами). Пастырская лощеная керамика прямо связана не с черняховской, а с приазовскими и крымскими формами II–VI вв. н. э.⁸⁵ Начало «пастырского этапа» (наличие пастырской посуды и ремесленных изделий на пеньковских поселениях) датируется концом VI в., то есть временем формирования Великой Булгарии, его финал — концом VII в.⁸⁶ Заметим, что к середине VII в., то есть также к эпохе Великой Булгарии, относится появление в Среднем Поднепровье «аланской» керамики «канцирского» типа. Тесные контакты ранних булгар, сарматских и аланских племен как в Предкавказье, так и в Северном Причерноморье и Поднепровье VI–VII вв., не вызывают сомнений. Об этом говорит и иранское имя одного из сыновей Кубрата, Аспаруха.

То, что в состав пеньковской культуры входили этнические группы сармато-аланского круга, подтверждается находками характерных позднесарматских погребений (ямные с подбоем) на ее территории — на правом берегу Северского Донца. В одном из погребений были найдены днепровские пальчатые фибулы⁸⁷.

Тесное взаимодействие оседлых жителей Среднего Поднепровья с кочевниками Северного Причерноморья показано на археологическом материале О. М. Приходнюком, который полагает, что эти благоприятные отношения установились в рамках Великой Булгарии в первой половине VII в.⁸⁸ Во второй половине VII в. растет количество предметов славянской материальной культуры в Крыму, причем приносят их туда из Среднего Поднепровья кочевники⁸⁹.

Пастырская культура имеет продолжение в древностях Дунайской Болгарии — в Плиске, Добрудже, у горы Раздельна и др. Также присутствуют и славянские памятники, связанные с пеньковской культурой. Это дает болгарским исследователям основания считать, что славяне и племена сармато-аланского круга из Среднего Поднепровья входили в состав Великой Булгарии и переселились на Дунай вместе с ордой Аспаруха. В целом, по данным археологии и антропологии, позднегуннские тюркоязычные кочевники составляли малую долю эмигрантов на Дунай в конце VII в., большинство же принадлежало к племенам сармато-аланского круга и славянам⁹⁰. Большим процентом славян среди переселенцев объясняется сравнительно

⁸⁴ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 32–36.

⁸⁵ Флеров В. С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С. 103–109.

⁸⁶ Шевченко Ю. Ю. Наследие великого Тюркютского каганата в лесостепи Восточной Европы // Этнос. Ландшафт. Культура: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 290–305.

⁸⁷ Аксенов В. С., Бабенко Л. И. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3. С. 111–120.

⁸⁸ Приходнюк О. М. 1) Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 134–168; 2) Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002. С. 125–130.

⁸⁹ Баранов И. А., Майко В. В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 96–103.

⁹⁰ Боев П. Антропологични материали от с. Попина, Силистренско // Въжарова Ж. Славяно-българското селища край село Попина, Силистренско. София, 1956. С. 97–112; Беневоленская Ю. Д. Антропологические

быстрое смешение мигрантов и славян Нижнего Подунавья, отсутствие конфликтов между ними, в отличие от известных столкновений местных жителей с кочевниками в Аварском каганате и Венгрии⁹¹.

В этой миграции и может скрываться ответ на вопрос, куда исчезли анты. Давно отмечено, что финал несомненно антской пеньковской культуры не связан с известным сообщением Феофилакта Симокатты о том, что в конце VI в. аварский каган приказал истребить все племя антов⁹². Пеньковские поселения прекратили существовать в конце VII в. — как раз после распада Великой Булгарии. Верхняя граница пеньковской культуры в целом соответствует времени зарытия «антских кладов», а также гибели Пастырского городища⁹³, то есть уходило полиэтничное население вместе.

Отсутствие унифицированного погребального обряда на территории распространения подкуранных погребений VI–VII вв., частое соседство разных вариантов обряда (различия в ориентировке покойных, в инвентаре, ямные и подбойные захоронения и пр.)⁹⁴ не позволяют выделить крупные племенные союзы номадов. И это понятно. Судя по византийским источникам, позднегуннские племенные союзы Восточной Европы были неустойчивыми образованиями, с фактически самостоятельными традиционными вождями — главами родов и племен, подобно своим далеким наследникам — печенегам и половцам⁹⁵. Эти родовые структуры были наиболее устойчивыми формами существования кочевников. Они вновь и вновь объединялись, часто с представителями других ветвей, с целью совместного кочевания. Непростые отношения, конфликты по совершенно разным причинам, помноженные на мобильность и относительную самостоятельность родовых групп, приводили к «перетасовке» этих образований. Некоторые роды попадали в зависимость от какого-нибудь рода, родственного или чужого, в результате неудачных войн. Известно, что в противоборствах номадов победители практиковали насильственное разъединение родовых групп побежденных, чтобы сородичи оказались рассеяно живущими с чужеродцами⁹⁶. Такие операции, скорее всего, проводили с покоренными номадами и авары на пути в Центральную Европу. Этим рассеянием культурно близких позднегуннских племен хорошо объясняются затруднения археологов в определении ареалов восточноевропейских кочевников VI–VII вв., когда на одной территории присутствует множество вариаций погребального обряда.

материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168. С. 201; Раишев Р. К вопросу о происхождении праболгар. С. 250–254.

⁹¹ Гюзелев В. Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV–VII в.) // Археология. София, 1979. № 4. С. 12–21; Раишев Р. Ускорено развитие на старобългарската култура // Първи международен конгрес по българистика: Доклади. Симпозиум «Славяни и прабългари». София, 1982. С. 95–96.

⁹² Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996. С. 216; Иванов С. А. Феофилакт Симокатта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.). М., 1995. С. 63.

⁹³ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. С. 81.

⁹⁴ Флерова В. Е. Подкуранные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 165–166.

⁹⁵ Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996. С. 207; Феофан Исповедник. Хронография. С. 50; Также см. § 1 Гл. 2.

⁹⁶ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 359.

Исходя из этого, процесс объединения позднегуннских племен, который стимулировало аварское и тюркское нашествие, мог происходить уже в обстановке, когда традиционные ареалы кочевания различных позднегуннских родов были нарушены волной азиатских кочевников.

Источников о внутреннем устройстве Великой Булгарии мы не имеем, однако в данном случае вполне корректно воспользоваться аналогией родственных создателям этой политики этносов, развивавшихся в рамках сходных хозяйственно-культурных типов. Как показали исследования Д. Г. Савинова, в Центральной Азии от хунну до распада Монгольской империи устойчиво функционировала система власти, основанная на иерархии кочевых этносов, племен и родов⁹⁷. Военно-политическое управление осуществлялось доминирующей этнической группой, которая формировала комплекс мировоззренческих и социально-политических стереотипов всей кочевой общности⁹⁸. Такой же закономерности следовало, очевидно, и развитие политий Восточной Европы. Этнической элитой Великой Булгарии были, естественно, болгары. Впоследствии этот этноним употреблялся по отношению к кочевникам Приазовья, Волго-Камья и Подунавья, происхождение которых в источниках связано с Великой Булгарией.

Новая полития строилась на идеологической основе памяти об общем происхождении — участники ее возводили себя к гуннам Атиллы, а правящий род объявил его своим предком. Эта этногенетическая легенда отразилась и в болгарском «Именнике», и в преданиях венгров⁹⁹. Авторами ее могли быть собственно болгары, входившие более века назад в состав Гуннского союза и не забывшие славное прошлое.

⁹⁷ См.: Савинов Д. Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 41–45; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

⁹⁸ Васютин С. А. Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 91.

⁹⁹ Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. S. 306; Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. С. 198–199. — В венгерском народном предании речь идет о братьях Хуноре и Мадьяре, имена которых являются эпонимами оногуров и мадьяр. В этногенезе венгров помимо мадьяр участвовали и позднегуннские «огурские» племена Восточной Европы. Сам этноним *угры/унгры/венгры* у византийских и латиноязычных средневековых авторов, а также в современных славянских и романо-германских языках, возник из этнонима «оногуры» через славянское заимствование; в мадьярском языке множество заимствований из языка, близкого к чувашскому, — болгарского или близкородственного ему (Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. С. 113–117, 206–211). Отдельная проблема — на каком этапе становления этноса венгров и где именно произошли эти заимствования. Важно, что целая группа взаимосвязанных слов-заимствований болгарского круга отражает знакомство с плужным земледелием. Лингвисты датируют эти заимствования эпохой до «обретения родины» (Барта А. Истоки венгерской культуры X в. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 119, 124). Это значит, что в период заимствований оногуры уже практиковали комплексное хозяйство со значительной долей плужного земледелия, либо жили в постоянном контакте с сельскохозяйственным этносом. И этот момент должен иметь отражение в археологических материалах. Какой из оногурских племенных союзов, разбросанных по Восточной Европе, принял участие в формировании венгерского этноса — пока неясно, но скорее всего, это произошло в среднем Поволжье второй половины VIII – начала IX в. К решению данной проблемы может приблизить анализ антропологических данных. Большое сходство с венграми эпохи «обретения родины», а также с их предками, которым принадлежат Большеатарханский и Большеитиганский могильники в Среднем Поволжье, демонстрируют материалы поволжских могильников «новинковского типа» (Газимзянов И. Р. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 95–109).

Созданная в ходе борьбы позднегуннских племен с тюрками и аварами во второй половине VI в., Великая Булгария исчезла с исторической арены после смерти хана Кубрата — удачливого лидера, с которым в сознании кочевников связывалась fortuna в походах и благополучие. В рамках этой политики только начинала складываться единая культура. Кочевое и оседлое население, среди которого были племена раннетюркского, иранского, славянского происхождения наладило культурный обмен, еще не перешедший в фазу симбиоза.

Великая Булгария по своей материальной культуре входила в своеобразную дугу, которая охватывала Кавказ (с выходом на Иран и Сирию), Приазовье, степное и лесостепное Поднепровье, Подунавье до Карпатской котловины¹⁰⁰. «Интернациональная мода», возникшая среди элит этих регионов, была невозможна без тесного культурного и политического взаимодействия и, соответственно, отражала политические связи североиранской (сарматской, аланской, асской, маскутской и пр.) знати Предкавказья, позднегуннских племен Великой Булгарии и Аварского каганата.

Но главное — огромным было значение Великой Булгарии для становления этнического самосознания племен, входивших в ее состав. Одни из них сохранили свою этническую идентичность, другие, скорее всего, после распада объединения приняли этноним верхушки — болгары (показательно исчезновение с этнической карты таких крупных племенных союзов, как кутригуры, утигуры, сарагуры, а также анты). Механизм принятия чуждого этнонима через систему фиктивного родства уже рассматривался. После распада кочевой политики, видимо, какие-то племена пытались обойтись без этой процедуры, расценив вхождение в племенной союз как повод взять славное имя былых победителей. Так поступили в свое время европейские авары¹⁰¹.

Сходная ситуация сложилась и после распада Великой Булгарии на пять независимых объединений. Количество их вряд ли свидетельствует о числе крупных этнополитических группировок, в свое время составивших Великую Булгарию. Против этого предположения — обширнейшая география распространения этнонима «унногундуры» в раннем Средневековье: от Аварской Паннонии до Средней Волги. В разнонаправленной миграции племен последней трети VII в. участвовали осколки племенного союза унногундуры, причем уже в качестве членов группировок, отражавших *военно-иерархическое* деление болгарской политики.

Итак, комплекс источников по истории Северного Причерноморья VI–VII вв. свидетельствует о том, что там существовало крупное объединение, включавшее полиэтничное кочевое и оседлое население. Но главное доказательство существования Великой Булгарии — это появление в разных районах Европы этносов, именовавших себя «булгарами» и при этом демонстрировавших значительные различия в материальной культуре.

Судя по археологическим данным, переселенцы на Дунай по своей материальной культуре принадлежали в основном к славянским и североиранским племенам.

¹⁰⁰ Гавриутхин И. А., Иванов А. Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 99–159; Гавриутхин И. О. В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 160–209; Гавриутхин И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата... С. 497.

¹⁰¹ Феофилакт Симокатта. История. С. 189.

Однако письменные источники сообщают о переселении болгар, а не славян или какого-то иного этноса. Из всего этого следует, что и «сармато-аланские» племена, и славяне этой миграционной волны принимали этноним «болгары» в качестве самоназвания.

Материальная культура создателей Волжской Булгарии формировалась в другом регионе в рамках салтово-маяцкой археологической культуры, которую многие исследователи связывают с Хазарским каганатом. Исходным районом их первой миграции второй половины VIII в. в Среднее Поволжье может быть и степное Подонье, и Восточное Приазовье и Предкавказье, но в любом случае их культура была гораздо более сходна с поздними сарматами, чем с кочевниками Великой Булгарии¹⁰².

Вряд ли возможно говорить что-то определенное об археологических памятниках «внутренних болгар» арабских источников, оставшихся в Приазовье и Западном Предкавказье, пока не будет окончательно решен вопрос атрибуции хазар. Но в любом случае, судя по памятникам этого региона, их культура имела иной облик, чем у новых насельников Нижнего Подунавья. Однако все упомянутые народы носили самоназвание «болгары» и являлись потомками населения Великой Булгарии.

Данные о статье

Автор: Елена Сергеевна Галкина, доктор исторических наук, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет, galkinaj@mail.ru

Заголовок: К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы

Резюме: Роль Великой Булгарии для формирования этнического самосознания части входивших в нее племен можно предполагать весьма значительной. Некоторые из них сохранили свою этническую идентичность, другие, скорее всего, после распада этого политического образования, приняли этноним болгар по наименованию правящей элиты (исчезновение с этнической карты таких племенных союзов, как кутригуры, утигуры, сарагуры и анты очень показательно). Хотя существовал механизм принятия чужих этнонимов с помощью системы фиктивного родства, после распада кочевых политий некоторые племена пытались обойтись без этой процедуры, расценив вхождение в племенной союз как повод взять имя былых победителей. Сходная ситуация сложилась после смерти хана Кубрата и распада Великой Булгарии. В рамках этой конфедерации только начинала складываться единая культура. Кочевое и оседлое население, среди которого были племена раннетюркского, иранского, славянского происхождения, наладило культурный обмен, еще не перешедший в фазу симбиоза. Наследники Великой Булгарии, которые появились в разных районах Европы (Нижнее Подунавье, Среднее Поволжье, «внутренние болгары» Северного Причерноморья), демонстрируют значительные различия в материальной культуре. Так, иммиграционный поток на Дунай состоял в основном из славянских и североиранских племен (тюркский элемент составлял меньшинство). Из этого следует, что и «сармато-аланы», и славяне, принадлежавшие к этой миграционной волне, приняли этноним «болгары» как их самоназвание.

Ключевые слова: Великая Булгария, болгары, уннугундуры, оногуры, кутригуры, Кубрат.

Литература, использованная в статье:

Айбабин, Александр Ильич. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // Советская археология. 1973. № 3. С. 62–72.

Айбабин, Александр Ильич. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

¹⁰² *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии: (Этапы этнокультурной истории). М., 1992. С. 323–324.

Аксенов, Виктор Степанович; Бабенко, Леонид Иванович. И. Погребение VI–VII веков н. э. у села Монач // РА. 1998. № 3. С. 111–120.

Ангелова, Елена. Сарматски елементи в езическите некрополи от Североизточна България и Северна Добруджа // Археология. София, 1995. № 2. С. 5–17.

Ангелова, Стефка. Традиции в прабългарската керамика на Североизточна България // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София, 1982. Т. 74. С. 31–75.

Артамонов, Михаил Илларионович. История хазар. 2-е изд. Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 2001. 688 с.

Атанасов, Георги. Болгаро-хазарская граница и болгаро-хазарская враждебность с конца VII до середины IX века // Българи и хазари през ранното Средновековие / Ред.-сост. Степанов, Цветелин. София: ТАНГРА ТанНакРа, 2003. С. 92–113.

Афанасьев, Геннадий Евгеньевич. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Москва: Наука, 1987. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2). 200 с.

Ахмедов Илья Рафаэлович; Казанский, Михаил Михайлович. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический аспект // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: Доклады научной конференции, посвященные 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. Горюнова, Валентина Михайловна, Щеглова Ольга Алексеевна. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. С. 168–202.

Балинт, Чанад. О принадлежности находки в Малой Перещепине Куврату (история вопроса) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Ред. Эрдели, Иштван. Киев: Наукова думка, 1996. С. 54–64.

Баранов, Игорь Авенирович; Майко, Вадим Владиславович. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі – України. Збірник наукових праць: До 70-річчя М. Ю. Брайчевського. Київ: Київська Академія Євробізнесу, 1994. С. 96–103.

Барта, Антал. Истоки венгерской культуры X в. // Проблемы археологии и древней истории угров. Сборник статей советских и венгерских археологов / Отв. ред. Смирнов, Алексей Петрович. Москва: Наука, 1972. С. 118–127.

Беневоленская, Юлия Дмитриевна. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Якобсон, Анатолий Леопольдович. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1970. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 168). С. 196–223.

Боев, Петър. Антропологични материали от с. Попина, Силистренско // Въжарова, Живка. Славяно-българското селище край село Попина, Силистренско. София: Издателство на Българската академия на науките, 1956. С. 97–112.

Васютин, Сергей Александрович. Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Бондаренко, Дмитрий Михайлович; Крадин, Николай Николаевич. Москва: Институт Африки РАН, 2002. С. 63–71.

Вернер, Иоахим. К происхождению и распространению антов и склавенов // Советская археология. 1972. № 4. С. 102–115.

Винников, Анатолий Захарович. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище: Труды советско-болгарско-венгерской экспедиции / Отв. ред. Плетнева, Светлана Александровна. Москва: Наука, 1984. С. 101–119.

Владимирцов, Борис Яковлевич. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов, Борис Яковлевич. Работы по истории и этнографии монгольских народов. Москва: Восточная литература, 2002. С. 295–488.

Гавритухин, Игорь Олегович. В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье: [Сб. статей] / Отв. ред. Иванов, Александр Геннадьевич. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1999. С. 160–209.

Гавритухин, Игорь Олегович. Среднеднепровские ингуляции второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: Доклады научной конференции, посвященные 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. Горюнова, Валентина Михайловна; Щеглова Ольга Алексеевна. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. С. 208–220.

Гавритухин, Игорь Олегович. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (Элементы ремешковой гарнитуры) // Хазары / Ред. колл.: Петрухин, Владимир Яковлевич; Москович, Вольф Абрамович; Федорчук, Артем Михайлович; Кулик, Александр; Шапира, Дан. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. (Евреи и славяне. Т. 16). С. 378–426.

Гавритухин, Игорь Олегович; Иванов Александр Геннадьевич. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье: [Сб. статей] / Отв. ред. Иванов, Александр Геннадьевич. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1999. С. 99–159.

Газимзянов, Ильгизар Равилевич. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья: Межвуз. сборник научных статей / Отв. ред. Матвеева, Галина Ивановна. Самара: Самарский государственный университет, 1995. С. 95–109.

Галкина, Елена Сергеевна. Кавказские войны VII–VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток. 2006. № 4. С. 5–20.

Галкина, Елена Сергеевна. Тюркский каганат и «позднегуннские» племена в этнополитических процессах на территории Восточной Европы VI–VII вв. // Рязанский историк. 2005. № 3. С. 60–75.

Гинзбург, Вульф Вениаминович. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 109. С. 295–307.

Горюнов, Евгений Алексеевич. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 135 с.

Гумилев, Лев Николаевич. Древние тюрки. Москва: Товарищество «Клышников — Комаров и Ко», 1993. 513 с.

Гюзелев, Васил. Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV–VII в.) // Археология. София, 1979. № 4. С. 12–21.

Димитров, Димитър. Прабългарите по Северното и западното Причерноморие. Варна: Книгоиздателство «Георги Бакалов», 1987. 304 с.

Залеская, Вера Николаевна; Львова, Злата Александровна; Маршак, Борис Ильич; Соколова, Ирина Васильевна; Фоянкова, Наталья Алексеевна. Сокровища хана Кубрата. Санкт-Петербург: АО «Славия», 1997. 135 с.

Зиньковская, Ирина Владимировна. Славяне и германцы в Юго-Восточной Европе в поздне римское время и в раннем средневековье (проблема этнокультурных контактов) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. С. 24–31.

Измайлов, Искандер Лерунович. Незаконно рожденные дети господ журналистов, или О навязчивом шумеро-българизаторстве истории татар // Звезда Поволжья. 2003. № 17–21 (169–173).

Казаков, Евгений Петрович. Культура ранней Волжской Болгарии: (Этапы этнокультурной истории). Москва: Наука, 1992. 334 с.

Казанский, Михаил Михайлович. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. Вып. 6. С. 404–419.

Кляшторный, Сергей Григорьевич; Савинов Дмитрий Глебович. Степные империи Евразии. Санкт-Петербург: Фарн, 1994. 166 с.

Кляшторный, Сергей Григорьевич; Султанов, Турсун Икрамович. Государства и народы Евразийских степей: От древности к Новому времени. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., испр. и доп. 432 с.

Коковцов, Павел Константинович. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. 134 с.

Комар, Алексей Викторович. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы: Вопросы хронологии // *Vita Antiqua*. Киев, 1999. № 2. С. 111–136.

Кузьмин, Аполлон Григорьевич (сост.). Славяне и Русь: Проблемы и идеи. 3-е изд. Москва: Флинта; Наука, 1999. 488 с.

Кулаков, Владимир Иванович. История Пруссии до 1283 г. Москва: Индрик, 2003. 402 с.

Литаврин, Геннадий Григорьевич. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. / Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Наука, 1985. С. 132–188.

Львова, Злата Александровна. Перещепинская находка в свете новых данных болгарской летописи XIII в. Гази-Барадж тарихы // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.02.1908 – 15.10.1990). Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2001. С. 46–49.

Львова, Злата Александровна. Перещепинский клад в собрании Эрмитажа // Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. 7-е Державинские чтения. 11–16 марта 2002. Санкт-Петербург, 2002. Ч. 1. С. 19–22.

Мастыкова, Анна Владимировна. Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V–VI вв.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. С. 31–47.

Назаренко, Александр Васильевич. Об имени «русь» в немецких источниках IX в. // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 46–57.

Новосельцев, Анатолий Петрович. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Обломский, Андрей Михайлович. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). Москва: Наука, 2002. 255 с.

Обломский, Андрей Михайлович. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // Краткие сообщения Института археологии. 2005. Вып. 219. С. 104–120.

Патканов, Керопэ Петрович. Из нового списка армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Март. С. 21–32.

Перици, Абрам Исакович. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Перици, Абрам Исакович; Семенов Юрий Иванович; Шнирельман, Виктор Александрович. Война и мир в ранней истории человечества. Москва: ИЭИА, 1994. Т. 2. С. 129–245.

Плетнева, Светлана Александровна. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 83–94.

Подосинов, Александр Васильевич. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Индрик, 2002. 504 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII–IX ст. Київ: Наукова думка, 1980. 150 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 134–168.

Приходнюк, Олег Михайлович. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002. С. 125–130.

Приходнюк, Олег Михайлович. Керамическая посуда Пастырского городища и некоторые проблемы становления славянского гончарства // Культурные трансформации и взаимодействия в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: Доклады научной конференции, посвященные 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. Горюнова, Валентина Михайловна; Щеглова Ольга Алексеевна. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. С. 265–281.

Приходнюк, Олег Михайлович. Фибулы Пастырского городища // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Европейская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. С. 48–73.

Раннефеодальные государства на Балканах / Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Наука, 1985. 364 с.

Рашиев, Рашио. К вопросу о происхождении праболгар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 250–254.

Рашиев, Рашио. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново: Издателство «Хабер», 2000. 192 с.

Рашиев, Рашио. Ускорено развитие на старобългарската култура // Първи международен конгрес по българистика. Доклади от симпозиум «Славяни и прабългари». София, 1982. С. 93–105.

Рутковская, Лукерия Маркиановна. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности: Сб. статей / Ред. Третьяков, Петр Николаевич. Ленинград: Наука, 1974. С. 22–39.

Рыбаков, Борис Александрович. Древние русы // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 23–104.

Рыбаков, Борис Александрович. Ремесло Древней Руси. Москва: 2-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 792 с.

Савинов, Дмитрий Глебович. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докладов Областной конференции (ноябрь 1979 г., г. Омск). Омск: ОмГУ, 1979. С. 41–45.

Свердлов, Михаил Борисович. Становление феодализма в славянских странах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. 319 с.

Седов, Валентин Васильевич. Анты // Проблемы советской археологии. Сборник статей / Редкол.: Кропоткин, Владимир Всеволодович и др. Москва: Наука, 1978. С. 164–174.

Седов, Валентин Васильевич. Славяне в древности. Москва: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. 343 с.

Седов, Валентин Васильевич. Славяне в раннем средневековье. Москва: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1995. 415 с.

Седов, Валентин Васильевич. Славяне: Историко-археологическое исследование. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

Семенов, Александр Ильич. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1986. № 27. С. 92–98.

Семенов, Александр Ильич. Утраченные предметы памятников перещепинского круга // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Областной научно-практический семинар, 22–23 января 1988 г.: Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. Онишко М. Д. Полтава: [Б.и.], 1989. С. 60–64.

Сиротенко, Василий Трофимович. Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сборник статей и материалов / Отв. ред. Никитин, Сергей Александрович. Москва: Наука, 1972. С. 195–218.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Отв. ред. Баран, Владимир Данилович. Киев: Наукова думка, 1990. 484 с.

Сміленко, Алла Трохимівна. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпрові (II–XIII ст.). Київ: Наукова думка, 1975. 210 с.

Смиленко, Алла Трофимовна. К изучению лепной керамики пеньковских памятников // Древняя Русь и славяне: Сб. статей / Отв. ред. Николаева, Татьяна Васильевна. Москва: Наука, 1978. С. 159–164.

Тихомиров, Михаил Николаевич. Именник болгарских князей // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 81–90.

Флеров, Валерий Сергеевич. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983. С. 103–109.

Флеров, Валерий Сергеевич. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // Советская археология. 1971. № 2. С. 258–265.

Флеров, Валерий Сергеевич. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. Москва: Институт археологии РАН, 1996. 102 с.

Флерова, Валентина Евгеньевна. Подкурганские погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 163–190.

Чичуров, Игорь Сергеевич. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука, 1980. 215 с.

Чичуров, Игорь Сергеевич. Экскурс Феофана о протобулгарах // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. Москва: Наука, 1976. С. 65–80.

Шевченко, Юрий Юрьевич. Наследие великого Тюркютского каганата в лесостепи Восточной Европы // Этнос. Ландшафт. Культура: (Материалы конференции). Санкт-Петербург, 1999. С. 290–305.

Шрамм, Готфрид. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. Москва: Eastern Communications, 1997. 155 с.

Шушарин, Владимир Павлович. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. Москва: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Якобсон, Анатолий Леопольдович. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1970. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 168). 224 с.

Beševliev, Veselin. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin: Akademie Verlag, 1963. 361 S.

Golden, Peter. Khazar Studies: A Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest: Akad K., 1980. Vol. 1. 290 p.

Martinez, Arsenio. Gardizi's two Chapters on the Turks // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden: Harrassowitz. 1982. Т. 2. P. 109–217.

Stratos, Andreas. The Avar's attack on Byzantium in the year 626 // Byzantinische Forschungen. 1967. Bd. II. S. 370–376.

Werner, Joahim. Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat, Kagan der Bulgaren // Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Heft 91. München, 1984. S. 5–45.

Werner, Joahim. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wandelhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. 1970. Vol. 1. (Antikvariskt Arkiv. 38). P. 65–81.

Information about the article

Author: Galkina, Elena Sergueevna, Doctor of Historical science, Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University, galkinaj@mail.ru

Title: On the role of the Great Bulgaria in the ethnopolitical history of Eastern Europe

Abstract: The role of the Great Bulgaria is supposed to be very important for the ethnic identity formation of the tribes that were part of this confederation. Some of them kept their own identity, but others, most likely, after the disintegration of the polity, accepted the ethnonym of the Bulgars that was the name of its ruling elite (thereby the disappearance from the ethnic map of such tribal alliances as the Kutrigurs, Utigurs, Saragurs, and Antes is very indicative). Though there was a mechanism of the acceptance of a foreign ethnonym with the system of fictive kinship, after the disintegration of nomadic polities some tribes tried to avoid this procedure, using their membership in a tribal alliance as an occasion for adopting a name of former famous conquerors. Such a situation developed after the disintegration of the Great Bulgaria into independent groups.

The similar situation arose after the death of the Bulgar ruler khan Kubrat and further disintegration of the Great Bulgaria. A common culture was just beginning to emerge in this polyethnic confederation that included ethnoses of Turkic, Scytho-Sarmatian and Slavic origin. A cultural exchange was organized between the nomadic and sedentary population, but it wasn't a cultural symbiosis yet. The successors of the Great Bulgaria migrated to the different parts of Europe (the First Bulgarian Empire, the Volga Bulgars, the "Inner Bulgars" of the Pontic-Caspian steppe) demonstrate substantial difference in the material culture. Thus, the immigrants to the Danube mostly belonged to Slavic and Scytho-Sarmatian ("Sarmatian-Alanic") tribes; the Turkic people were in minority there. From this follows that both «Sarmatian-Alanic» tribes and the Slavs belonging to this migratory wave accepted the ethnonym «Bulgars» as their self-name.

Keywords: Great Bulgaria, Bulgars, Onogundurs, Onogurs, Kutrigurs, Kubrat.

References (Transliteration)

- Afanas'ev, Gennadij Evgen'evich.* Naselenie lesostepnoj zony bassejna Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskiy variant saltovo-majackoj kul'tury). (Arheologicheskie otkrytija na novostrojках. Vyp. 2). Moskva: Nauka, 1987. 200 s.
- Ahmedov Il'ja Rafajelovich; Kazanskij, Mihail Mihajlovich.* Posle Attily. Kievskij klad i ego kul'turno-istoricheskij aspekt // Kul'turnye transformacii i vzaimovlijanija v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e: Doklady nauchnoj konferencii, posvjashchennye 60-letiju so dnja rozhdenija E. A. Gorjunova (Sankt-Peterburg, 14–17 nojabrja 2000 g.) / Red. Gorjunova, Valentina Mihajlovna, Weglova Ol'ga Alekseevna. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. S. 168–202.
- Ajbabin, Aleksandr Il'ich.* Jetnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma. Simferopol': DAR, 1999. 352 s.
- Ajbabin, Aleksandr Il'ich.* K voprosu o proishozhdenii srezhek pastyrskogo tipa // Sovetskaja arheologija. 1973. № 3. S. 62–72.
- Aksenov, Viktor Stepanovich; Babenko, Leonid Ivanovich.* I. Pogrebenie VI–VII vekov n. je. u sela Mohnach // RA. 1998. № 3. S. 111–120.
- Angelova, Elena.* Sarmatskiy elementi v ezicheskite nekropoli ot Severoiztochna Bulgarija i Severna Dobrudzha // Arheologija. Sofija, 1995. № 2. S. 5–17.
- Angelova, Stefka.* Tradicii v prabulgarskata keramika na Severoiztochna Bulgarija // Godishnik na Sofijskaja universitet. Istoricheski fakultet. Sofija, 1982. T. 74. S. 31–75.
- Artamonov, Mihail Illarionovich.* Istorija hazar. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Lan'», 2001. 688 s.
- Atanasov, Georgi.* Bolgaro-hazarskaja granica i bolgaro-hazarskaja vrazhdebnost' s konca VII do serediny IX veka // Bulgari i hazari prez rannoto Srednevekovie / Red.-sost. Stepanov, Cvetelin. Sofija: TANGRA TanNakRa, 2003. S. 92–113.
- Balint, Chanad.* O prinadlezhnosti nahodki v Maloj Perewepine Kuvratu (istorija voprosa) // Materialy I tys. n. je. po arheologii i istorii Ukrainy i Vengrii / Red. Jerdeli, Ishtvan. Kiev: Naukova dumka, 1996. S. 54–64.
- Baran, Vladimir Danilovich* (red.). Slavjane Jugo-Vostochnoj Evropy v predgosudarstvennyj period. Kiev: Naukova dumka, 1990. 484 s.
- Baranov, Igor' Avenirovich, Majko, Vadim Vladislavovich.* Srednedneprovskie jelementy v kul'ture naselenija rannesrednevekovoj Tavriki // Starozhitnosti Rusi – Ukraïni: Zbirnik naukovih prac'. Do 70-richchja M.Ju. Brajchevs'kogo. Kiïv: Kiïvs'ka Akademiya Evrobiznesu, 1994. C. 96–103.
- Barta, Antal.* Istoki vengerskoj kul'tury H v. // Problemy arheologii i drevnej istorii ugrov: Sbornik statej sovetskih i vengerskih arheologov / Otv. red. Smirnov, Aleksej Petrovich. Moskva: Nauka, 1972. S. 118–127.
- Benevolenskaja, Julija Dmitrievna.* Antropologicheskie materialy iz srednevekovyh mogil'nikov Jugo-Zapadnogo Kryma // Jakobson, Anatolij Leopoldovich. Rannesrednevekovye sel'skie poselenija jugo-zapadnoj Tavriki. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1970. (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 168). C. 196–223.
- Beševliev, Veselin.* Die protobulgarischen Inschriften. Berlin: Akademie Verlag, 1963. 361 S.
- Boev, Peter.* Antropologichni materialy ot s. Popina, Silistrensko // Vezharova, Zhivka. Slavjano-bulgarskoto seliwe kraj selo Popina, Silistrensko. Sofija: Izdatelstvo na Bulgarskata akademija na naukite, 1956. S. 97–112.
- Chichurov, Igor' Sergeevich.* Jekskurs Feofana o protobulgarah // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1975. Moskva: Nauka, 1976. S. 65–80.
- Chichurov, Igor' Sergeevich.* Vizantijskie istoricheskie sochinenija: «Hronografija» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij. Moskva: Nauka, 1980. 215 s.
- Dimitrov, Dimitr.* Prablgarite po Severnoto i zapadno Prichernomorie. Varna: Knigoizdatelstvo «Georgi Bakalov», 1987. 304 s.
- Flerov, Valerij Sergeevich.* O hronologii saltovo-majackoj kul'tury // Problemy hronologii arheologicheskij pamjatnikov stepnoj zony Severnogo Kavkaza. Rostov-na-Donu: RGU, 1983. S. 103–109.
- Flerov, Valerij Sergeevich.* Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogojavlenskoj // Sovetskaja arheologija. 1971. № 2. S. 258–265.

Flerov, Valerij Sergeevich. Rannesrednevekoveye jurtoobraznyye zhiliwa Vostochnoj Evropy. Moskva: Institut arheologii RAN, 1996. 102 s.

Flerova, Valentina Evgen'evna. Podkurgannye pogrebenija vostochnoevropskikh stepej i puti slozhenija kul'tury Hazarii // Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja. Doneck, 2001. T. 2. S. 163–190.

Galkina, Elena Sergeevna. Kavkazskie vojny VII–VIII vv. i vozvyslenie Hazarii // Vostok. 2006. № 4. S. 5–20.

Galkina, Elena Sergeevna. Tjurkskij kaganat i «pozdnegunnskie» plemena v jetnopoliticheskikh processah na territorii Vostochnoj Evropy VI–VII vv. // Rjazanskij istorik. 2005. № 3. S. 60–75.

Gavrituhin, Igor' Olegovich. Hronologija jepohi stanovlenija Hazarskogo kaganata (Jelementy remennoj garnitury) // Hazary (Evrei i slavjane. T. 16) / Redakcionnaja kollegija: Petruhin, Vladimir Jakovlevich; Moskovich, Vol'f Abramovich; Fedorchuk, Artem Mihajlovich; Kulik, Aleksandr; Shapira, Dan. Moskva: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2005. S. 378–426.

Gavrituhin, Igor' Olegovich. Srednedneprovskie ingumacii vtoroj poloviny V–VI vv. // Kul'turnye transformacii i vzaimovlijanija v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e: Doklady nauchnoj konferencii, posvjawennye 60-letiju so dnja rozhdenija E. A. Gorjunova (Sankt-Peterburg, 14–17 nojabrja 2000 g.) / Red. Gorjunova, Valentina Mihajlovna; Weglova Ol'ga Alekseevna. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. S. 208–220.

Gavrituhin, Igor' Olegovich. V-obraznyye prjazhki, izgotovlennye vmeste so witovidnoj obojmoj // Permskij mir v rannem srednevekov'e: [Sb. statej] / Otv. red. Ivanov, Aleksandr Gennad'evich. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija RAN, 1999. S. 160–209.

Gavrituhin, Igor' Olegovich; Ivanov Aleksandr Gennad'evich. Pogrebenie 552 Varninskogo mogil'nika i nekotorye voprosy izuchenija rannesrednevekovykh kul'tur Povolzh'ja // Permskij mir v rannem srednevekov'e: [Sb. statej] / Otv. red. Ivanov, Aleksandr Gennad'evich. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija RAN, 1999. S. 99–159.

Gazimzjanov, Il'gizar Ravil'evich. Novye dannye po antropologii naselenija Samarskogo Povolzh'ja v jepohu rannego srednevekov'ja // Srednevekoveye pamjatniki Povolzh'ja: Mezhvuz. sbornik nauchnyh statej / Otv. red. Matveeva, Galina Ivanovna. Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet, 1995. S. 95–109.

Ginzburg, Vul'f Veniaminovich. Kraniologicheskie materialy iz Pravoberezhnogo Cimljanskogo gorodiwa // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 1963. № 109. S. 295–307.

Gjuzelev, Vasil. Ikonomicheskoe razvities, socialna struktura i formi na socialna i politicheska organizacija na prabulgarite do obrazuvaneto na bulgarskata durzhava (IV–VII v.) // Arheologija. Sofija, 1979. № 4. S. 12–21.

Golden, Peter. Khazar Studies: A Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest: Akad K., 1980. Vol. 1. 290 p.

Gorjunov, Evgenij Alekseevich. Rannie jetapy istorii slavjan Dneprovskogo Levoberezhuja. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1981. 135 s.

Gumilev, Lev Nikolaevich. Drevnie tjurki. Moskva: Tovariwestvo «Klyshnikov — Komarov i Ko», 1993. 513 s.

Izmajlov, Iskander Lerunovich. Nezakonnorozhdennye deti gospod zhurnalistov, ili O navjazchivom shumero-bulgarizatorstve istorii tatar // Zvezda Povolzh'ja. 2003. № 17–21 (169–173).

Jakobson, Anatolij Leopol'dovich. Rannesrednevekoveye sel'skie poselenija jugo-zapadnoj Tavriki. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1970. (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 168). 224 s.

Kazakov, Evgenij Petrovich. Kul'tura rannej Volzhskoj Bolgarii: (Jetapy jetnokul'turnoj istorii). Moskva: Nauka, 1992. 334 s.

Kazanskij, Mihail Mihajlovich. O baltah v lesnoj zone Rossii v jepohu Velikogo pereselenija narodov // Arheologicheskie vesti. 1999. Vyp. 6. S. 404–419.

Kljashturnyj, Sergej Grigor'evich; Savinov, Dmitrij Glebovich. Stepnye imperii Evrazii. Sankt-Peterbur: Farn, 1994. 166 s.

Kljashturnyj, Sergej Grigor'evich; Sultanov, Tursun Ikramovich. Gosudarstva i narody Evrazijskikh stepej: ot drevnosti k Novomu vremeni. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. 3-e izd., ispravl. i dop. 432 s.

Kokovtsov, Pavel Konstantinovich. Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1932. 134 s.

Komar, Aleksej Viktorovich. Predsaltovskie i rannesaltovskij gorizonty Vostochnoj Evropy: Voprosy hronologii // *Vita Antiqua*. Kiev, 1999. № 2. S. 111–136.

Kulakov, Vladimir Ivanovich. Istorija Prussii do 1283 g. Moskva: Indrik, 2003. 402 s.

Kuz'min, Apollon Grigor'evich (sost.). Slavjane i Rus': Problemy i idei. 3-e izd. Moskva: Flinta; Nauka, 1999. 488 s.

Litavrin, Gennadij Grigor'evich (red.). Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanah. Moskva: Nauka, 1985. 364 s.

Litavrin, Gennadij Grigor'evich. Formirovanie i razvitie bolgarskogo rannefeodal'nogo gosudarstva (konec VII – nachalo XI v.) // Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanah. VI–XII vv. / Otv. red. Litavrin, Gennadij Grigor'evich. Moskva: Nauka, 1985. S. 132–188.

L'vova, Zlata Aleksandrovna. Perewepinskaja nahodka v svete novyh dannyh bulgarskoj letopisi XIII v. Gazi-Baradzh tarihy // *Jermitazhnye chtenija pamjati B. B. Piotrovskogo* (14.02.1908 – 15.10.1990): Tezisy dokladov. Sankt-Peterburg, 2001. S. 46–49.

L'vova, Zlata Aleksandrovna. Perewepinskij klad v sobranii Ermitazha // *Sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki. 7-e Derzhavinskie chtenija*. 11–16 marta 2002. Sankt-Peterburg, 2002. Ch. 1. S. 19–22.

Martinez, Arsenio. Gardizi's two chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden: Harrassowitz. 1982. T. 2. P. 109–217.

Mastykova, Anna Vladimirovna. Sredizemnomorskie elementy v zhenskom kostjume u naselenija Severnogo Kavkaza (V–VI vv.) // *Arheologija vostochnoevropskoj lesostepi*. Vyp. 14: Evrazijskaja step' i lesostep' v jepohu rannego srednevekov'ja. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. S. 31–47.

Nazarenko, Aleksandr Vasil'evich. Ob imeni «rus'» v nemeckih istochnikah IX v. // *Voprosy jazykoznanija*. 1980. № 5. S. 46–57.

Novosel'cev, Anatolij Petrovich. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza. M.: Nauka, 1990. 264 s.

Oblomskij, Andrej Mihajlovich. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremena (sередina III – pervaja polovina V v. n. e.). Moskva: Nauka, 2002. 255 s.

Oblomskij, Andrej Mihajlovich. Problemy izuchenija pamjatnikov Verhnego Podon'ja gunnskogo vremeni // *Kratkie soobwenija Instituta arheologii*. 2005. Vyp. 219. S. 104–120.

Patkanov, Keropje Petrovich. Iz novogo spiska armjanskoj geografii, pripisyvaemoj Moiseju Horenskomu // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvewenija*. 1883. Mart. S. 21–32.

Pershits, Abram Isakovich. Vojna i mir na poroge civilizacii. Kochevyje skotovody // *Pershic, Abram Isaakovich; Semenov Jurij Ivanovich; Shnirel'man, Viktor Aleksandrovich.* Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva. Moskva: IEIA, 1994. T. 2. S. 129–245. *Pletneva, Svetlana Aleksandrovna.* O svjazjah alano-bolgarskih plemen Podon'ja so slavjanami v VIII–IX vv. // *SA*. 1962. № 1. S. 83–94.

Podosinov, Aleksandr Vasil'evich. Vostochnaja Evropa v rimskoj kartograficheskoj tradicii. Teksty, perevod, kommentarij. Moskva: Indrik, 2002. 504 s.

Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich. Arheologichni pam'jatki Sereďn'ogo Pridniprova VII–IX st. Kiiv: Naukova dumka, 1980. 150 s.

Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich. Fibuly Pastyrskogo gorodiwa // *Arheologija vostochnoevropskoj lesostepi*. Voronezh, 2000. Vyp. 14: Evropejskaja step' i lesostep' v jepohu rannego srednevekov'ja. C. 48–73.

Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich. Keramicheskaja posuda Pastyrskogo gorodiwa i nekotorye problemy stanovlenija slavjanskogo goncharstva // *Kul'turnye transformacii i vzaimovljanija v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e: Doklady nauchnoj konferencii, posvjawennye 60-letiju so dnja rozhdenija E. A. Gorjunova* (Sankt-Peterburg, 14–17 nojabrja 2000 g.) / Red. Gorjunova, Valentina Mihajlovna; Weglova Ol'ga Alekseevna. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. S. 265–281.

Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich. Voенно-politicheskij sojuz antov i tjurkskij mir (po dannym istoricheskim i arheologicheskim istochnikov) // *Materialy po istorii, arheologii i jetnografii Tavrii*. Simferopol', 2000. Vyp. VII. S. 134–168.

Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich. Vostochnye slavjane i stepnoj mir v period stanovlenija Hazarskogo kaganata // Hazarskij al'manah. T. 1. Har'kov, 2002. S. 125–130.

Rashev, Rasho. K voprosu o proishozhdenii prabolgar // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. Simferopol', 1993. Vyp. III. S. 250–254.

Rashev, Rasho. Prabolgarite prez V–VII vek. Veliko Tyrnovo: Izdatelstvo «Haber», 2000. 192 s.

Rashev, Rasho. Uskoreno razvitie na starobolgarskata kultura // Pervi mezhdunaroden kongres po bolgaristika. Dokladi ot simpozium «Slavjani i prabolgari». Sofija, 1982. S. 93–105.

Rutkovskaja, Lukerija Markianovna. O stratigrafii i hronologii drevnego poselenija okolo s. Stecovki na r. Tjasmine // Rannesrednekovye vostochnoslavjanskije drevnosti: Sb. statej / Red. Tret'jakov, Petr Nikolaevich. Leningrad: Nauka, 1974. S. 22–39.

Rybakov, Boris Aleksandrovich. Drevnie rusy // Sovetskaja arheologija. 1953. Vyp. XVII. S. 23–104.

Rybakov, Boris Aleksandrovich. Remeslo Drevnej Rusi. Moskva: 2-a tip. Izd-va Akad. Nauk SSSR, 1948. 792 s.

Savinov, Dmitrij Glebovich. Ob jetnicheskom aspekte obrazovanija ranneklassovyh gosudarstv Central'noj Azii i Juzhnoj Sibiri v jepohu rannego srednevekov'ja // Jetnogenez i jetnicheskaja istorija tjurkojazychnyh narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij: Tez. dokladov Oblastnoj konferencii (nojabr' 1979 g., g. Omsk). Omsk: OmGU, 1979. S. 41–45.

Sedov, Valentin Vasil'evich. Anty // Problemy sovetskoj arheologii: Sbornik statej / Redkol.: Kropotkin, Vladimir Vsevolodovich i dr. Moskva: Nauka, 1978. S. 164–174.

Sedov, Valentin Vasil'evich. Slavjane v drevnosti. Moskva: Nauchno-proizvodstvennoe blagotvoritel'noe obschestvo «Fond arheologii», 1994. 343 s.

Sedov, Valentin Vasil'evich. Slavjane v rannem srednevekov'e. Moskva: Nauchno-proizvodstvennoe blagotvoritel'noe obschestvo «Fond arheologii», 1995. 415 s.

Sedov, Valentin Vasil'evich. Slavjane: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 624 s.

Semenov, Aleksandr Il'ich. K rekonstrukcii sostava kompleksov perewepinskogo kruga // Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Leningrad, 1986. № 27. S. 92–98.

Semenov, Aleksandr Il'ich. Utrachennye predmety pamjatnikov perewepinskogo kruga // Ohrana i issledovanie pamjatnikov arheologii Poltavchiny. Oblastnoj nauchno-prakticheskij seminar, 22–23 janvarja 1988 g. Tezisy dokladov i soobwений / Otv. red. Onipko M. D. Poltava: [B.i.], 1989. S. 60–64.

Shevchenko, Jurij Jur'evich. Nasledie velikogo Tjurkjutskogo kaganata v lesostepi Vostochnoj Evropy // Etnos. Landshaft. Kul'tura: (Materialy konferencii). Sankt-Peterburg, 1999. S. 290–305.

Shramm, Gotfrid. Reki Severnogo Prichernomor'ja: Istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvanij v rannih vekah. Moskva: Eastern Communications, 1997. 155 s.

Shusharin, Vladimir Pavlovich. Rannij jetap jetnicheskoj istorii vengrov. Problemy jetnicheskogo samosoznaniya. Moskva: ROSSPeN, 1997. 512 s.

Sirotenko, Vasilij Trofimovich. Pis'mennye svidetel'stva o bulgarah IV–VII vv. v svete sovremennyh im istoricheskikh sobytij // Slavjano-balkanskije issledovanija. Istoriofografija i istochnikovedenie: Sbornik statej i materialov / Otv. red. Nikitin, Sergej Aleksandrovich. Moskva: Nauka, 1972. S. 195–218.

Smilenko, Alla Trofimovna. K izucheniju lepoj keramiki pen'kovskih pamjatnikov // Drevnjaja Rus' i slavjane. Sbornik statej / Otv. red. Nikolaeva, Tat'jana Vasil'evna. Moskva: Nauka, 1978. S. 159–164.

Smilenko, Alla Trohimivna. Slov'jani ta ih susidi v Stepovomu Podniprovi (II–XIII st.). Kiiv: Naukova dumka, 1975. 210 s.

Stratos, Andreas. The Avar's attack on Byzantium in the year 626 // Byzantinische Forschungen. 1967. Bd. II. S. 370–376.

Sverdlov, Mihail Borisovich. Stanovlenie feodalizma v slavjanskih stranah. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 1997. 319 s.

Tihomirov, Mihail Nikolaevich. Imennik bolgarskih knjazej // Vestnik drevnej istorii. 1946. № 3. S. 81–90.

Vasjutin, Sergej Aleksandrovich. Tipologija potestarnyh i politicheskikh sistem kochevnikov // Kochevaja al'ternativa social'noj jevoljucii / Otv. red. Bondarenko, Dmitrij Mihajlovich; Kradin, Nikolaj Nikolaevich. Moskva: Institut Afriki RAN, 2002. S. 63–71.

Verner, Joahim. K proishozhdeniju i rasprostraneniu antov i sklavenov // Sovetskaja arheologija. 1972. № 4. S. 102–115.

Vinnikov, Anatolij Zaharovich. Zhilye i hozjajstvennye postrojki Majackogo seliwa // Majackoe gorodiwe: Trudy sovetsko-bolgarsko-vengerskoj jekspedicii / Otv. red. Pletneva, Svetlana Aleksandrovna. Moskva: Nauka, 1984. S. 101–119.

Vladimircov, Boris Jakovlevich. Obwestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm // Vladimircov, Boris Jakovlevich. Raboty po istorii i jetnografii mongol'skih narodov. Moskva: Vostochnaja literatura, 2002. S. 295–488.

Werner, Joahim. Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat, Kagan der Bulgaren // Bayerische Akaderaie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Heft 91. München, 1984. S. 5–45.

Werner, Joahim. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wandelhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. 1970. Vol. 1. (Antikvarskt Arkiv. 38). P. 65–81.

Zalesskaja, Vera Nikolaevna; L'vova, Zlata Aleksandrovna; Marshak, Boris Il'ich; Sokolova, Irina Vasil'evna; Fonjakova, Natal'ja Alekseevna. Sokroviwa hana Kubrata. Sankt-Peterburg: AO «Slavija», 1997. 135 s.

Zin'kovskaja, Irina Vladimirovna. Slavjane i germancy v Jugo-Vostočnoj Evrope v pozdnerimskoe vremja i v rannem srednevekov'e (problema jetnokul'turnyh kontaktov) // Arheologija vostochnoevropskoj lesostepi. Vyp. 14: Evrazijskaja step' i lesostep' v jepohu rannego srednevekov'ja. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. S. 24–31.